

200 лет
со дня
смерти
Гавриила
Державина

Музы поэта... КТО ОНИ?

Ольга Иванова

ОН САМ о себе написал в эпитафии: «Мазилка, скоморох, писец, толмач». И примечания к ним: «Мазилка – был охотник до рисования, скоморох – любил музыку». К строкам эпитафии поэт мог смело добавить: «Дамский угодник – принёс на алтарь Венере немало женских сердец». О разбитых Державиным сердцах нам почти ничего не известно. Но разве можно было в него не влюбиться? Хорошая шутка была лучшим гостем в его доме, она рождала лёгкость в общении. А сам хозяин в совершенстве владел всем арсеналом обождения женского пола: был хорош собой, горяч, напорист и превосходно изъяснялся на самом совершенном любовном языке – языке поэзии. Какая же прекрасная дама тут устоит, не поддастся слабости плоти, а вместе с ней и сам поэт не пустится во все тяжкие? К тому же куртуазный век, нравы того времени диктовали подобное поведение. Кому же, как не поэту, так часто воспевавшему любовные чувства, было не попробовать их на вкус? Даже преклонные лета не утомляли его, и в свои почти шестьдесят Державин писал:

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках,
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девочкам
На моих сидеть ветвях...
Никогда б я не сгибался,
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков.

Легко ли сквозь толщу столетий отыскать тех милых птиц, которые вдохновляли поэта на написание прекрасных и бессмертных строк его творений? Мы лишь попробуем обнаружить их лёгкие следы и разглядеть образ пленительных муз Державина.

Гавриил Романович Державин, по преданию, родился в местечке Кармачи или Сокуры Казанской губернии. Место рождения поэта по сей день оспаривается, но сам Державин представлялся уроженцем Казани, где учился и получил свой первый литературный опыт.

Мальчик родился в воскресенье 3 июля 1743 года и был назван по имени архангела Гавриила.

Семья, в которой появился на свет будущий «певец Фелицы», принадлежала к небогатым, мелкопоместным дворянам. Но сам род уходил корнями в великую Золотую Орду. За триста лет до рождения Державина его прародитель мурза Багрим прибыл к московскому князю Василию Тёмному на службу. Мурза был крещён именем Илья и дарован землями и вотчинами лично великим князем. У сына бывшего мурзы Багрима Дмитрия Нарбекова родился Держава, который впоследствии служил в Казани. От него и пошёл дворянский род Державиных, и во всех актах именовались они «Казанцами».

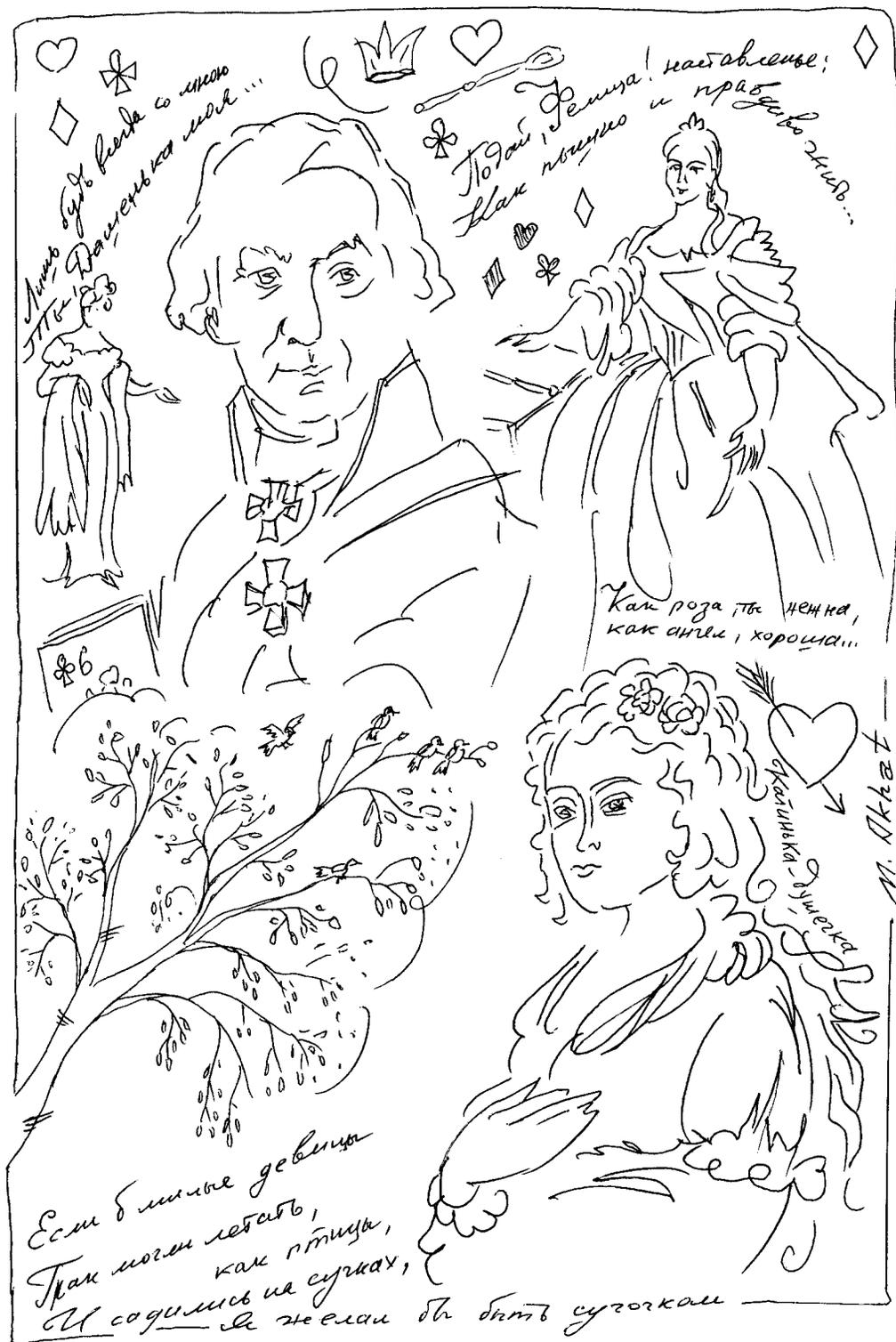
Такое происхождение всегда льстило поэту, оно оживляло его богатое воображение, вселяло гордость в сердце, и, видимо, позволяло приукрасить своё полное лишений детство и юность. Как часто упоминал он о родстве с мурзой в своих одах. Можно представить, с каким упоением хилый, неприметный мальчик Гаврюша улетал в своих фантазиях к могущественному Багриму, принятому и обласканному самим великим князем. Не мечтал ли он с тех пор оказаться приближённым к императорским особам? Увы, дорога жизни вела его не к вершинам славы, но самородный гений с врождённым умом, талантом и цепким умением пробиваться смог преодолеть все буреломы судьбы.

А пока он, Гаврила Державин, девятнадцатилетний отрок весной 1762 года прибыл в холодный, мокрый Петербург для службы в Преображенском полку. У юноши с блестящими данными для тех времён не было главного: полезных знакомств, влиятельных родственников и больших денег. Дворянин по рождению, чьё юношеское воображение так часто будоражили видения славных предков, он вынужден был влачить жалкое существование в казарме с рекрутами из крестьян. Нетрудно понять горячее стремление молодого Державина выбиться в ряды счастливцев, которые обладали в этой жизни, если не всем, то многим.

Известно, что огромная волна любит поднимать на своём гребне не только

камни, но и мелкий песок. Так капризная судьба в дни государственных переворотов делает из людей небогатых и не знатных первейших вельмож огромной страны. Будущий поэт не успел прослужить и полгода, когда власть в стране захватила супруга императора Павла – Екатерина. Некоторые любимцы фортуны, поучаствовавшие в перевороте, сменили казармы на дворцовые покои. Державина среди счастливцев тогда не оказалось, хотя юноша и присутствовал при бурных событиях в составе полка. Слишком уж незаметен был он тогда, и колесо капризной судьбы лило воду не на его мельницу. Он даже до конца не осознал всей важности случившихся свершений, чересчур озабочен был своими мелкими неприятностями, а именно пропажей накануне переворота денег из-под подушки. Но впоследствии, слушая байки о взлёте братьев Орловых, не мечтал ли он оказаться рядом с императрицей?

А пока до дворцовых высот было далеко, Гаврила тратил избыток сил в азартных играх и буйных приключениях. От одного он пытался держаться подальше: от пристрастия к вину. Юноша помнил, какими трудностями и бедами оборачивалось для его семьи пьянство отца, а потому пытался преодолеть в себе эту наследственность. Но вот от картёжных игр уберечься не смог. Развлечений, а главное возможностей лёгким путём добыть деньги было немного, и во главе угла здесь стояли карты. В компании товарищей молодой Державин пристрастился к этой пагубной привычке, которая вскоре привела к плачевному результату. Однажды он проиграл деньги, данные матерью на покупку имения, влез в долги и снова проигрался. Тогда поэт заперся дома, жил на воде и хлебе, и «марал», по его же словам, стихи при свете полушечной свечи. Так он часто проживал несчастливые свои дни. Но и эта его страсть к литературным опытам приносила одни беды и неприятности. В каких-то стансах он осмелял полкового секретаря, а тот принялся мстить тем, что вычёркивал Державина

из списков в производство в чины. И долгое время Гаврила Романович не мог продвинуться в своей карьере.

Другой стороной дурных наклонностей считался разврат. Каковы были романтические похождения Державина-солдата малоизвестно. Но представим себе молодого человека с богатым воображением, уставшим от серой, неблагодарной службы и вечной нужды. Чем же ещё развлечь и расцветить своё безрадостное существование, как не увлечениями прекрасным полом? Вспомним, что и куртуазный век тому сопутствовал. Известно одно казусное дело, когда в Москве Державина заставляли жениться на дочери приходского дьякона. А один из его трактирных приятелей подозревал Гаврилу в шашнях со своей женой, потому заманил к себе в дом и пытался угостить палками.

Неутомимость Державина на этом фронте была бесспорной. Да и он сам признавался, что приходил в отчаяние от своих безумств. Удержаться на краю пропасти помогла любовная связь с одной дамой хорошего нрава и благородного поведения, которая некоторое время помогала вести жизнь спокойную и почти благопристойную. На эти годы пришлось и одно из известных стихотворений поэта «Объявление любви»:

Единым отвечай возрненьем
И мысль свою мне сообщи:
Что с тем сравнится восхищением,
Как две сольются в нас души?
Представь в уме сие блаженство
И ускоряй его вкусить.
Любовь, лишь с божеством равенство,
Нам может в жизни сей дарить.

Тот же 1770 год вдохновил поэта на написание «Нины»:

Не лобзай меня так страстно,
Так часто, нежный, милый друг:
И не нашёптывай всечасно
Любовных ласк своих мне в слух;
Нежнейшей страсти пламя скромно;
А ежели через меру жжёт,
И удовольствий чувство полно, –
Погаснет скоро и пройдёт.

Кто была эта Нина? Не та ли самая дама «хорошего нрава и благородного

поведения»? Или у начинающего поэта случались параллельные романы? Увы, этого нам знать не дано!

Пролистнём же несколько лет жизни молодого Державина, чтобы исследовать вопрос его отношений с женщинами, которые оставили в его судьбе куда более заметный след. И начнём, конечно же, с большой любви, первой жены Державина – Екатерины. К тридцати пяти годам поэт выслужил небольшое состояние и даже получил назначение сенатским экзекутором. Княгиня Вяземская, супруга его покровителя, пыталась женить Гаврилу Романовича на большой любительнице литературы, княжне Урусовой. Княжна была богата и могла решить многие затруднительные проблемы Державина, но он, к его чести, не поддался соблазну. С лёгкостью, присущей ему, Гаврила Романович отшутился: «Она пишет стихи, да и я мараю; занесёмся оба на Парнас, так некому будет и щи сварить». Возможно, тут сыграло роль и то, что богатая невеста была вовсе не красавицей.

Его же будущая жена привлекла Державина приятной внешностью. Он увидел её из окна во время крестного хода, и не мог оторвать от девушки взгляда. При более близком знакомстве Катерина Бастидон, дочь португальца, любимого камердинера Петра III, очаровала его окончательно. Ей было семнадцать, ему тридцать пять, но искра любви зажгла их обоих. Державин посватался, и так в его жизнь вошла Пленира или Катинька, как он впоследствии стал звать свою любимую жену. На сговор свой он написал стихотворение «К невесте»:

Хотел бы похвалить, но чем начать не знаю.
Как роза, ты нежна, как ангел, хороша;
Приятна, как любовь; любезна, как душа;
Ты лучше всех похвал – тебя я обожаю.

Катерина Яковлевна была девушкой простого воспитания, читала немало, но «пленилась всем изящным и не могла скрыть отвращения ото всего низкого». Любимым её делом было рукоделие, рисование и написание стихов для шутки. До свадьбы жених и невеста

представились наследнику, мать Катерины была в своё время кормилицей великого князя. Он пообещал дать за невестой приданое, о чём Державин через пару лет не постеснялся напомнить.

Впрочем, и без особого приданого он любил свою жену и оставался доволен сделанным когда-то выбором. Катерина Яковлевна всячески поощряла творчество мужа. В литературном кружке его приятелей она была путеводной звездой. С присущей ей лёгкостью и доброжелательностью она всех привечала и опекала. Супруга продолжала его вдохновлять, друзья поддерживать и радовать. А вскоре и покровитель, князь Вяземский, поспособствовал повышению Державина по службе.

Однако стоит заметить, что, будучи счастлив в браке, поэт всё же позволял себе увлечения на стороне. В те времена не принято было распространяться об амурных подвигах напрямую, но биограф Державина Ходасевич упоминал о целом батальоне дам сердца. Хотя точными сведениями Ходасевич едва ли располагал. Гаврила Романович чрезмерно никогда не увлекался, он забавлялся, но не сгорал от страсти. Пожалуй, только любовь к «Катиньке» была всерьёз и надолго. Но, увы, даже она не могла заставить супруга отказаться от забав и развлечений с прекрасным полом.

Разве не свидетельство супружеской измены отразило одно из покаянных писем поэта: «Мне очень скучно, очень скучно, друг мой Катинька, вчерась было, а особенно как была гроза, и тебя подле меня не было. Ты прежде хотела в таких случаях со мной умереть, но ныне, я думаю, рада, ежели меня бы убило, и ты бы осталась без меня. Нет между нами основательной причины, которая бы должна была нас разделить: то, что такое, что ты ко мне не едешь? <...> Стало, ты любишь, или любила меня не для меня, но только для себя, когда малейшая неприятность выводит тебя из себя и рождает в голове твоей химеры, которые (боже избави!) тебя и меня могут сделать несчастливими.

Итак, забудь, душа моя, прошедшую ссору, вспомни, что я уже целую неделю тебя не видел и что в середине твой Ганюшка именинник. Приезжай в объятья верного твоего друга».

Таких писем Державин не писал никому, кроме Катерины Яковлевны. В браке со своей «Катинькой» Гаврила Романович создал самые прекрасные свои творения. Разве не любовь подвигла и вдохновила его на это?!

На пятом году супружеской жизни Державин написал оду, которая принесла ему настоящую известность и приблизила, наконец, к трону государыни, которой он восхищался ещё со времён переворота. Разве в памяти впечатлительного юноши могла не остаться императрица на белом коне в офицерском мундире и с саблей наголо. Она направлялась в Петергоф во главе Преображенского полка, сияющая торжеством и успехом свершившихся мечтаний. Богородица Фелица, вот кем осталась она для восприимчивого и чрезмерно чувствительного юноши.

Блестящий век Екатерины – это отражение фееричного века Людовика XIV. Но подражание Франции тех времён в екатерининской России сохраняло национальные черты, свои противоречия и контрасты. В числе великих замыслов и грандиозных побед императрица желала иметь и свою придворную поэзию. А Державин, искренне восхищавшийся Екатериной, её силой и способностью вести Россию к славе и процветанию, готов был воспевать свою просвещённую монархиню. На этой волне ода «Фелица» изящной и неспешной ладью вплыла в дома вельмож и дворец императрицы.

Неспешной поступь «Фелицы» была по одной причине: автор оды не желал представлять её широкому кругу читателей из опасения, что многие вельможи, узнав себя, сделаются его врагами. Увы, Державин уже имел подобный неприятный опыт. На этот раз он показал своё творение ближайшим друзьям-поэтам. У тех увидел оду Козодавлев, выпросил домой для своей

тётки, давней поклонницы поэта. Но, как всегда бывает в таких случаях, рукопись стала ходить по рукам и попала к Шувалову и другим. А вскоре её напечатали в «Собеседнике» без подписи, ода имела лишь заглавие, гласившее, что это «ода к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице, писанная неким мурзой...»

Книга была преподнесена императрице княгиней Дашковой. Наутро Дашкова нашла государыню в слезах. «Кто написал эту оду? – спросила она княгиню. – Автор так коротко знает меня и так приятно описывает, что я, видишь, как дура, плачу». Спустя несколько дней, когда Державин обедал у Вяземского, ему вручили пакет с надписью: «Из Оренбурга от киргиз-кайсацкой царевны Державину». Это был подарок императрицы – золотая табакерка с брильянтами и пятьюстами червонцами. Но покровителю Вяземскому такое внимание государыни не понравилось, с этого случая и началась неприязнь между ними. Державин же восторженно благодарил Дашкову и других, участвовавших в этом деле, рассыпался в благодарностях. Так нежданно для себя поэт оказался на вершине славы и приближённым к императрице Екатерине. И она, великая государыня и покровительница муз, стала если не главной, то очень влиятельной женщиной в его судьбе. Оды, которые поэт посвятил Екатерине II, красной нитью прошли по его творчеству. «Фелица», «Благодарность Фелице», «Решемыслу», «Видение мурзы» и многие другие. В них он не переставал восхищаться государыней, как женщиной, как человеком, восхвалять её и сравнивать с нелестными образами царедворцев, а порой и с самим собой.

По словам самого Державина «Фелица» была написана в духе императрицы, так как Екатерина любила забавные шутки. В оде поэт тонко хвалит Фелицу, себя же сатирически высмеивает:

**Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.**

Державин не оставляет своего шуточного тона, стремится, чтобы его по-

хвалы Фелице не были столь явны и похожи на лесть. И всё же его восхищение государыней выбивается наружу:

**Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.**

**Не слишком любишь маскарады,
А в клуб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнаска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезёю,
Боготворящую душою,
Полезных дней проводишь ток.**

Ода «Фелица», в которой поэт соединил положительное и отрицательное, идеальное и реальное, патетику и сатиру, окончательно закрепило в его творчестве ломку старой жанровой системы. В одном его произведении соединяются патетика оды с элегией и дружеским посланием. Всё чаще в своих творениях Державин выписывает образ автора – человека из плоти и крови, который передаёт своё личное отношение к миру и людям независимо от их общественного положения. Вместе с образом автора в его поэзию входит и живой разговорный язык. Он мог «в забавном русском слого о добродетелях Фелицы возгласить, в сердечной простоте беседовать о Боге и истину царям с улыбкой говорить». В его поэзии истина и лесть сливаются так гармонично и искусно, что мало кому удавалось писать оды, как писал их Державин. Козодавлеву он, между прочим, сообщал: «Я для Фелицы сделался Рафаэлем <...> Я добродетели царевны противоположил моим глупостям. Не знаю, как обществу покажется такого рода сочинение, какого на русском языке ещё не было».

Вскоре настал и час триумфа, когда поэта представили, наконец, Екатерине. «Богиня на меня воззрела», – так поз-

же выразил Державин свои ощущения в «Видении мурзы». По воспоминаниям, императрица остановилась от него поодаль, окинула быстрым взглядом с ног до головы и, наконец, подала ему руку. Её величественного вида поэт не мог забыть никогда. Под впечатлением той встречи он начал свой новый труд, который долго не мог закончить. Когда же произведение было рождено, оно оказалось по великолепию своему под стать «Фелице». Это было «Видение мурзы».

Опустим, впрочем, описание этого прекрасного труда, как и карьеру Державина, которая пошла в гору. Рассмотрим дальнейшие отношения поэта с великой государыней. И видим мы уже Гаврилу Романовича, когда отстранённый от губернаторства в Тамбове, примчался он в Петербург, чтобы добиться аудиенции императрицы и пояснить свою невиновность. Дело в том, что, как государственный деятель, Державин ставил превыше всего борьбу против злоупотреблений вельмож, дворянства и чиновничества. Отсюда, были его бесчисленные беды по службе. Много кому вставал поперёк пути такой ревнитель законности и правды.

Екатерина назначила встречу в Царском Селе. Она милостиво приняла Державина и спросила его, почему он ни с кем не уживается. Гаврила Романович стал объясняться, по своему обыкновению, с пылом и горячностью, так как не умел держать себя в руках, видя несправедливость. По его словам, все были виноваты, что уже производило плохое впечатление. Государыня после разговора сделала свои выводы: «Я ему сказала, что чин чина почитает. А раз в третьем месте не мог удержаться, то надобно искать причины в себе самом. Он горячился и при мне. Пусть пишет стихи. Он, кажется, не очень мной остался доволен».

Екатерина повелела выдавать ему жалованье, о чём просил сам Державин, и на том забыла о поэте. Сопоставимо ли это было с хвалебными строками «Фелицы»:

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец, людей не давишь:
Ты знаешь прямо цену их...

Ты здраво о заслугах мыслишь:
Достойным воздаёшь ты честь...

Этой «честью» и справедливости, которых, как искренне считал Державин, он был достоин, Гаврила Романович дождался ещё два с половиной года. Всё это время, по его словам, он «шатался по Петербургу без всякого дела». В эти годы был написан «Водопад» и много других стихов, только, по-видимому, литературный труд он за «дело» не считал. В это же время родилась ода на взятие Измаила. Она имела огромный успех. Императрица вновь вспомнила о поэте и послала ему табакерку, усыпанную бриллиантами, ценою в две тысячи рублей. При дворе его стали встречать милостиво. Государыня же сразу по прочтении оды подошла к нему с улыбкой: «Я не знала по сие время, что труба ваша столь же громка, как и лира приятна».

Пророком ты того не числишь,
Кто только рифму может плести;
А что сия ума забава
Калифов добрых честь и слава,
Снисходишь ты на лирный лад:
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.
(«Фелица»)

Дабы быть ближе к императрице, Державин уповал на покровительство Потёмкина. Увы, великий Потёмкин его надежд не оправдал. Теперь же при дворе появился новый фаворит – Платон Зубов. Гаврила Романович с присущей ему изобретательностью и усердием стал добиваться расположения сегодняшнего любимца императрицы. Стоит ли осуждать его за это? Когда-то лишь благодаря своему таланту, блестящему уму и настойчивости он смог выбиться из среды бедной и серой, не пожелав влачить жалкое существование. Достигнув недоступных прежде вершин,

разве не мечтал он о большем. К тому же сама императрица была женщиной магнетической, которая влекла своих подданных необыкновенной, чарующей харизмой. Так ведь и Державин был необыкновенным человеком. Завоёвывая расположение Зубова, он прибегнул к своему таланту. Ко дню коронации поэт преподнёс фавориту одно из самых длинных своих лирических произведений – «Изображение Фелицы». Екатерина прочитала его и велела Платону пригласить автора на ужин и чаще беседовать с ним. Приглашение от фаворита стали приходить постоянно, и это придало Державину вес при дворе.

Но Гаврила Романович по-прежнему ждал назначения на достойное его талантам место. Поклонница и покровительница поэта Дашкова предложила Екатерине использовать Державина для описания славных дел её царствования. Идея была хороша, но княгиня так громко заявляла о ней, что дело кончилось ничем. А императрица так и не могла придумать поста для Державина, она слишком хорошо знала его неуживчивый характер. Оставаясь в близком знакомстве с Зубовым, Гаврила Романович подсказал ему несколько замечательных идей, которые Платон смог высказать императрице. Та оценила практичность поэта и сделала его, наконец, личным секретарём.

Гаврила Романович старался стать хорошим царедворцем и политиком, но, увы, нрав поэта, полный заносчивости и грубоватой солдатской наивности, мешали его намерениям. За два года статс-секретарства он страшно надоел Екатерине, его недостаток чувства такта рассорил его с друзьями и покровителями. По каждому порученному делу он являлся к государыне с кипой документов, чем очень докучал ей. Она жаловалась, что он лезет к ней со всяким вздором. Екатерина теряла терпение, и Державин признавался, что иногда она сердилась и выгоняла его, а он надувался на неё за это. Но гнев императрицы долго не длился. На следующий день, замечая его обиду, она становилась

ласковой, расспрашивала его о супруге, домашних заботах, и он оттаивал и становился, как прежде, чистосердечным. Однажды после одной из таких ссор он не выдержал и в исступлении вскричал: «Боже мой! Кто может устоять против этой женщины? Государыня, вы не человек. Я сегодня наложил на себя клятву ничего с Вами не говорить; но Вы против моей воли делаете со мной всё, что захотите!» Она засмеялась и кокетливо воскликнула: «Неужто это правда?!» Современники отмечали, что споры их порой бывали очень горячи, Державин мог при докладах браниться и однажды даже схватил государыню за платье. В другой раз, когда Екатерина стала жаловаться Державину на наследника Павла Петровича, которого не любила, он не поддержал её слов, и государыня в гневе со словами «Поди вон!» выгнала своего секретаря.

Отношения их становились всё холодней. Екатериной-человеком Державин восторгался недолго. Оказавшись при дворе, он «вблизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями», разочарование оказалось слишком велико. А государыня в числе прочего ждала от своего поэта новых од и поэм, посвящённых ей, но лира Державина молчала. Пожалуй, единственное, что смогло выдать его перо в том тяжёлом 1791 году, это надпись к портрету:

**Вселену Слава пролетая,
Велит решать вопрос векам:
«По имени она вторая,
Но кто же первый по делам?»**

Было и ещё одно досадное происшествие, которое не способствовало прежнему, хвалебному песнопению поэта. Державин давно мечтал об ордене «Владимира 2-й степени» за своё губернаторство в Тамбове. Через третьи руки Гаврила Романович устроил так, чтобы ходатайство о пожаловании было представлено императрице. Но Екатерина с холодностью отвечала: «Он должен быть доволен, что из-под суда взят в секретари, а орден без заслуг не дают».

Державин затаил обиду, но императрица решила, наконец, что поэт

достаточно наказан её немилостью, и пожаловала ему пост сенатора. Указ зачитали во время празднования Ясского мира, вручили и давно желаемый орден. Новоиспечённый сенатор и на этом посту проявил себя с неугомонной ретивостью, за что получил очередное высочайшее повеление не лезть не в свои дела. Гаврила Романович огорчился и решился подать в отставку, не без тайной мысли наказать императрицу. Екатерина отставку не приняла и отчитала, заявив, что все беды Державина оттого, что присваивает себе власть, ему не принадлежащую. Но вскоре эти мелкие неурядицы забылись от одной трагической вести. В январе 1793 года пришла весть о казни Людовика XVI. Императрица слегла в постель. Поэт отозвался одой «Колесница», выразив ей весь свой гнев и недоумение произошедшим.

А через полтора года, 15 июля 1794 года, Гаврилу Романовича постигло настоящее горе, умерла горячо любимая супруга, его Пленира. В Тамбове она подхватила тяжёлую лихорадку, не помогли врачи ни в Москве, ни в Петербурге. Тридцатитрёхлетняя красавица угасала несколько недель. На своём смертном одре Катерина Яковлевна дала супругу мудрый совет. Когда он, проводя у её постели дни и ночи, хотел отказаться от поездки в Царское Село к императрице, Катерина Яковлевна с трудом промолвила: «Ты не имеешь фавору, но есть к тебе уважение. Поезжай, мой друг. Бог милостив, может, я проживу столько, чтобы с тобой проститься». Оставила она и ещё один дар, заботливо подготовленный ею. В тайной надежде смягчить и порадовать государыню, Катерина Яковлевна переписала в одну тетрадь все старые творения мужа, чтобы он вручил их императрице. Державин так и сделал после смерти своей Катиньки. В том же скорбном для него июле Гаврила Романович написал:

**Уж не ласточка сладкогласная
Домовитая со застреги –
Ах! Моя милая, прекрасная
Прочь отлетела, – с ней утехи.**
.....

**Уж нет моего друга верного,
Уж нет моей доброй жены,
Уж нет товарища бесценного,
Ах, все они с ней погребены.**

**Всё опустело! Как жизнь мне снести?
Зельная меня съела тоска.
Сердца, души половина, прости,
Скрыла тебя гробова доска.**

Похоронили Катерину Яковлевну не-
подалёку от могилы Лермонтова.

**Где добродетель, где краса?
Кто мне следы её приметит?
Увы! Здесь дверь на небеса...
Сокрылась в ней – да солнце встретит!**

Это четверостишие венчало надгробие Плениры.

Он страдал безмерно, повсюду ему виделся дух его Катиньки. Поэт пытался воспеть любимую в стихах, сохранилось его письмо к И. И. Дмитриеву: «Я... чувствуя чрезмерно мою горечь, не могу привести моих мыслей, или, как окаменелый, ничего и мыслить не в состоянии бываю». Стихотворение он всё-таки написал, но получилось оно сбивчивым, нервным, эмоциональным:

**О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!..
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнёздышком сидя, поёшь;
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьёшь.**

Через два года Державин дописал «Ласточку»:

**Душа моя! Гостя ты мира!
Не ты ли перната сия? –
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я,
Восстану – и в бездне эфира...
Увижу ль тебя я, Пленира?**

Казалось, вместе с Пленирой умерла часть души поэта. Но вскоре он дал пищу кривотолкам, когда спустя полгода решил вновь жениться.

В своих «Записках» 52-летний Державин так прокомментировал своё долгое вдовство: «Не могли быть спокойным о домашних недостатках и по службе неприятностях, чтоб от скуки не уклониться в какой разврат, женился он генваря 31-го дня 1795 года на другой

жене, девице Дарье Алексеевне Дьяковой».

Она была одна из пяти дочерей сенатского обер-прокурора Алексея Афанасьевича Дьякова и княжны Авдотьи Мышецкой. Родственные связи родителей проложили дочерям путь в высшее петербургское общество. Красавицы-сёстры блистали на вечерах у высокопоставленных вельмож, составляли кадрили великого князя Павла Петровича. После смерти отца Дарья Алексеевна жила у замужней сестры – графини Стенбок, когда ей сделал предложение Державин.

Дарье Алексеевне в ту пору было двадцать восемь лет, и была она девицей весьма практичной. Несмотря на то что Даша давно симпатизировала Гавриле Романовичу, на его предложение о браке, она потребовала с жениха расходные книги. Изучив их за две недели и убедившись, что будущий муж её не банкрот, Дарья Алексеевна дала своё согласие.

Невеста, отличавшаяся гордой статью и холодной красотой, во всём была полной противоположностью милой Пленере. Она не отличалась остроумием, общительностью, почти не разбиралась в словесности. Впрочем, она не была лишена чувствительности, великодушия и справедливости. И всё же это была не его Катинька, которую он обожал и которая была душой его литературного кружка. Дарья Алексеевна, напротив, не выносила общества шумных друзей поэта, объясняя, что все их собрания вредят здоровью Гаврилы Романовича. Но Державин помнил, как сама Катерина Яковлевна когда-то дружески относилась к Дарье Алексеевне и отзывалась о ней тепло, и это сыграло свою роль. К тому же происхождение будущей супруги льстило самолюбию Державина. И последним, немаловажным аргументом для брака стало родство Дарьи Алексеевны с близкими друзьями Гаврилы Романовича – Капнистом и Львовым. Оба были женаты на сёстрах Даши и вполне счастливы в браке.

Свою новую музу Державин сравни-

вал с Минервой, но позже придумал ей ласковое поэтическое имя – Милена. Только образ незабвенной Пленеры продолжал витать и в его творениях, и в жизни.

**Я вижу, ты в тумане
Течёшь ко мне рекой!
Пленира на диване
Простёрлась надо мной,
.....
Меня ты утешаешь
И шепчешь нежно в слух:
«Почто так сокрушаешь
Себя, мой милый друг?
Нельзя смягчить судьбину,
Ты сколько слёз не лей;
Миленой половину
Займи души твоей».**

К тому времени близился конец царствования Екатерины Великой. В те годы Державин едва не подвергся настоящей опале за оду «Властителям и судьям», написанную в переложении псалма царя Давида. В стихотворении были строки, напугавшие императрицу, – «неправда потрясает троны». Ей нашептали, что подобные песни распевали якобинцы на парижских улицах. А после недавних французских событий Екатерина опасалась любого упоминания о бунте. Поэта окунули под очередной ледяной душ недоброжелательства и холодности. Даже поговаривали о возможном допросе Державина в Тайной канцелярии. Дело спас сам Гаврила Романович, он вовремя узнал о нависшей над ним опасности. На обеде у графа Мусина-Пушкина один из гостей спросил: «Ты что, братец, якобинские стишки пишешь?» Державин же на это ответил: «Царь Давид не был якобинцем!» А вслед за этим распространил при дворе записку под названием «Анекдот». В ней он пересказал историю об Александре Македонском и его враче, применив её к себе и императрице. «Анекдот» произвёл хорошее впечатление на Екатерину и успокоил её.

После смерти государыни, когда все её любимцы и фавориты были изгнаны, Державину удалось избежать опалы. Он поначалу был даже обласкан Павлом. Но неугомонный поэт умудрился в пер-

вые же дни развить такую бешеную деятельность, что разгневал императора и был отослан им на прежнее место. Гаврила Романович прибег к своему излюбленному методу – написал хвалебную оду на восшествии Павла на престол. Император смилостивился, и с той поры Державин милости этой не терял. Государственная деятельность его во время правления Павла была почти безмятежной.

Брак же с Дарьей Алексеевной, не смотря на преклонный возраст поэта, безмятежным назвать нельзя. Своей второй супруге Державин изменял куда чаще, чем первой. И ей он писал успокаивающие письма, хотя в этих своих покаяниях был не так трепетен и нежен, как в объяснениях с Катинькой. «Каковы ты, милый и сердечный друг, почиваешь? Я думаю, обеспокоена вчерашним вздором? Плюнь, матушка, довольна, – я твой. Я иду к Арбенеvu поутру сам похлопотать за твоего Поздеева и за Марью Алексеевну Беклемишеву. То-то ли вам не честь, что скажет по вашим комиссиям сенатор? Поеду в Сенат. Не знаю, где обедаю, но только у вас буду. Будь, мой друг, спокойна».

Душе моей покою
Желаю только я.
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя.

И всё же забыть свою Катиньку он никак не мог. Вот что вспоминал Жихарев: «Часто за приятельскими обедами он (Державин) вдруг задумается и зачертит вилкою по тарелке вензель покойной, – драгоценные ему буквы К. Д. Вторая супруга, заметив это рисование, всегда выводит его из мечтания строгим вопросом: «Ганюшка, Ганюшка, что это ты делаешь?» – «Так, ничего, матушка», – обыкновенно с торопливостью отвечает он, потирая себе глаза и лоб, как будто спросонья».

Давнюю любовь к покойной супруге Дарья Алексеевна ещё могла понять

и простить, но шалости «Ганюшки» на стороне вводили её в дурное настроение. А поэт и в преклонном возрасте продолжал оставаться заправским сердцеедом. Вот как описывала Гаврилу Романовича племянница и дочь его друга Софья Капнист-Скалон: «Покрытый сединами, он был чрезвычайно приятной наружности: в хорошем расположении духа он обычно припевал или присвистывал что-нибудь, или обращался стихами то к птичкам, которых было так много в комнатах, то к собачке своей Тайке, которую обыкновенно носил за пазухой». Таким он виделся и его молодым поклонницам, дочерям соседей-помещиков. В последние годы, когда с супругой проживал в своём поместье Званке, Гаврила Романович заделался настоящим Анакреоном. И как было не увлечься им восторженным поклонникам его поэзии и очаровательного обаяния?

Случись Анакреону
Марию посещать;
Меж ними Купидону,
Как ласточке летать.

.....
Под алыми перстами
Порхал резвее бог,
Острейшими стрелами
Разил сердца и жёг.

Анакреон у печки
Вздыхнул тогда сидя,
«Как бабочка от свечки,
Сгорю, – сказал, – и я».

Но истинной любовью на всю жизнь, любовью, которой Державин не изменял никогда, была лишь одна величайшая, прекраснейшая из женщин – Поэзия! Ей он отдавал всё пламя своей души и ей поклонялся, предвидя бессмертие своих творений:

Забудется во мне последний род Багрима,
Мой вросший в землю дом никто не посетит,
Но лира коль моя в пыли где будет зрима,
И древних струн ея где голос прозвонит,
Под именем твоим она громка пребудет,
Ты славою, твоим я эхом буду жить.
Героев и певцов вселенна не забудет,
В могиле буду я, но буду говорить.

